

Приключения в поисках национальности

Рецензия на книгу: Байбурина А. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 488 с. [16] с ил. ISBN 978-5-94380-232-4

Борис Винер

ст. научный сотрудник Социологического института
ФНИСЦ РАН

Новая монография Альберта Байбурина является результатом многолетнего исследования и обобщает информацию, собранную автором в научной литературе, в архивах Москвы и Петербурга, а также полученную из большой серии интервью, взятых лично автором и его коллегами в нескольких городах России и Украины. В ходе этой работы автор пытается понять, почему и каким образом чиновники из госаппарата формируют («изобретают») требования к документу, предназначенному в первую очередь для идентификации личности гражданина, как сами граждане воспринимают необходимость обладания документом, который в значительной степени ограничивал их права, а также каким образом функционирует паспортная система в целом в ее официальном и неофициальном вариантах. Книга состоит из введения, трех частей, заключения и приложений. Во введении («Предварительные замечания») автор знакомит читателя с зарубежной и российской литературой о национальных паспортных системах, вводит основные понятия («документ», «установление личности» и др.), используемые в монографии, обозначает свои теоретические ориентации (понимающая социология Вебера, дополненная рассуждениями Бурдьё о бюрократическом поле и Фуко о государстве, рассуждения об идентичности Бруйека и Купера, концепция практик в версии Хархордина и др.) и обосновывает логику проведенного исследования.

В первой части («К социальной истории советской паспортной системы») автор дает хронологическое описание изменений в документах, удостоверяющих личность в Российском государстве, начиная с законных Судебником Ивана III отпускных грамот для холопов. Далее показано, каким образом в петровское время в Российской империи был введен паспорт, как особый тип документа, и какие изменения происходили в правилах его оформления и выдачи вплоть до ликвидации дореволюционной паспортной системы после прихода к власти большевиков. После этого описывается очень интересный для обсуждаемой тематики пятнадцатилетний период отсутствия единого для всех граждан страны документа, удостоверяющего личность, и последовавшее затем введение советского паспорта. Автор смог продемонстрировать противоречие между отменой паспортной системы, проистекавшей из дореволюционной довольно демократической идеологии большевиков, которые выступали против всяческого диктата над личностью трудящегося человека, и реальных потребностями государственных и иных учреждений в определении того, с кем именно из граждан они имеют дело в данный момент. Как теперь известно многим россиянам, побывавшим за границей, для этой цели в странах Европы и Северной Америки могут использоваться разные виды документов: водительские права, студенческий билет, читательский билет и др. Однако автор показывает, что в СССР паспорт служил не только для подтверждения сугубо личных характеристик гражданина — его полного личного имени (т.е. фамилии, имени и отчества), даты и места рождения. Внутренний советский паспорт был еще и идентификатором социальной благонадежности человека и средством сдерживания миграционной активности населения. Именно для этого он и вводился. Неблагонадежные с точки зрения советской бюрократии граждане первое время вообще не имели право на получение паспортов. В последующем записи в паспортах делили людей на некоторые воображенные — в первую очередь партийными чиновниками — категории, которые и

должны были отражать степень благонадежности: социальное положение, национальность, место прописки.

Вторая часть («Паспорт как бюрократический конструкт») посвящена собственно обсуждению паспорта как артефакта со всеми его мельчайшими деталями, как-то особенности бумаги, почерка, фотографий, паспортных граф и правил их заполнения и т.д. Автор сумел разыскать инструкции и образцы паспортов за разные временные периоды, и показать каким образом и почему менялись требования к советскому паспорту за весь период существования этого документа. Здесь важно отметить, что читатель получает сведения не только по нюансам оформления паспортов. Такие сведения могли бы заинтересовать главным образом историков-источниковедов. Но в своей совокупности описание требований, предъявляемых к оформлению паспорта, и изменений в этих требованиях позволяет глубже проникнуть в логику советского бюрократа и понять некоторые особенности работы советской бюрократической машины. А это позволит будущим исследователям провести сравнительные исследования досоветской, советской и постсоветской бюрократии, а также использовать знания о работе советской паспортной системы для межстрановых исследований.

Наконец, в третьей части книги («Паспортные практики в документах и воспоминаниях») показаны формальные и неформальные правила взаимодействия граждан с бюрократической паспортной системой, восприятие ими этих правил и воздействие приемов, практикуемых гражданами по отношению к бюрократической машине, на изменения в паспортной системе. Примечательно, что служебная информация о правилах заполнения паспортных документов могла скрываться не только от рядовых граждан, но и от чиновников Верховного Совета СССР, который официально был верховным органом власти в стране (с. 298-299). Приведение автором такого, казалось бы, отдельного факта помогает читателю лучше почувствовать состояние беспомощности советского человека в ходе взаимодействия с государственной машиной. А ведь помимо неизвестных гражданам ведомственных предписаний повсеместными были и отступления чиновников от инструкций, как в силу собственной некомпетентности, так и благодаря недобросовестности какой-то части из них.

В заключении автор обобщает собранный материал и дает общий вывод об изучаемом феномене: «СССР был страной с неустоявшимися, точнее, складывающимися идентичностями, и паспорт, безусловно, сыграл весьма существенную и еще не вполне оцененную роль в их формировании и функционировании» (с. 457).

Текст сопровождается большим количеством фотографий паспортов от экземпляра, выданного земской управой 1918 г. в Черниговской губ., до советского паспорта, полученного в 1988 г., а также фотографиями других удостоверяющих личность документов, агитационных материалов и т.п.

Библиография включает около 400 названий на русском и иностранных языках. В Приложении приведены некоторые сведения об интервьюировании и интервьюерах, а также интервью-гайд. Пожалуй, сведения об информантах я бы предпочел увидеть не в виде обобщенного описания, а в табличной форме. Выборка из 64 человек вполне могла бы уместиться в таблицу, содержащую информацию о поле информанта, годе рождения, месте интервьюирования, фамилии интервьюера и

шифре интервью. В этом случае читателю было бы существенно легче привязать высказывание информанта к населенному пункту и временному периоду.

Монография А. Байбурина является для меня поводом возвратиться к моей дипломной работе «Межнациональные браки на территории Украинской ССР (на примере г. Винницы)», защищенной в 1985 г. на историческом факультете Ленинградского государственного университета, и к тексту моей кандидатской диссертации по этнологии «Этнические процессы у крупнейших этносов Ленинграде-Санкт-Петербурге в конце XX в.», завершеному в 1994 г., но так никогда и не выносившемуся ни на защиту, ни даже на предзащиту. Надеюсь, что некоторые воспоминания, связанные с этими проектами, дополняют представление читателя о работе советской паспортной системы в 1980-е — начале 1990-х гг.

Тематика современных этнических процессов в городской среде заинтересовала меня после первой полевой практики летом 1981, когда Валериан Александрович Козьмин, в то время ассистент кафедры этнографии и антропологии ЛГУ, повез группу из четырех студентов к северным селукам в Ямало-Ненецкий округ. Посмотрел я на представителей этого сибирского народа в его естественной среде и понял, что абсолютно ничего не понимаю в традиционной этнографии. Со временем разобраться, конечно, смогу, но стоит ли тратить на это многие годы? А в это время усиливался интерес советских этнографов к современности, к тому каким образом протекают в современную эпоху этнические процессы. В экспедиции Валериан Александрович предложил мне собирать информацию о местных жителях, включая сведения об их брачности, из похозяйственных книг местных советов. Каких только нелепостей, с моей точки зрения жителя областного центра, окончившего среднюю школу, там не было! Грамматические ошибки в написаниях имен и фамилий были не самым большим недостатком. Часто попадались семьи, все члены которых имели разные фамилии и национальности. Отчества детей могли не совпадать с именами отцов. Было понятно, что эти похозяйственные книги отображают реальные отношения между людьми с какими-то перекосами. Правильно было бы поговорить с информантами и уточнить у них родственные отношения в сомнительных случаях. Было бы полезно пообщаться и с теми, кто вел эти книги. Помню, в одном из поселков председателем сельсовета был поляк родом из Хмельницкой области. Насколько он разбирался в родственных связях тех, кого записывал в похозяйственные книги? Старался ли он верно отобразить фактическую ситуацию, или его интересовало лишь выполнение формальных инструкций? Увы, тогда не было времени, чтобы это прояснить. Да и мысли эти появились у меня не сразу.

Не уверен, что жители дальних селуков были полностью паспортизированы. Какой-то заинтересованности в этом у них не было. В более крупных населенных пунктах они бывали редко. В большинстве в случае необходимости их доставляли и без документов, конечно, если была возможность доставить. Насколько записи в похозяйственных книгах способствовали правильному оформлению паспортов, судить не берусь.

После экспедиции, приступив к учебе на втором курсе, я попросился участвовать в опросе татар, армян и эстонцев, который тогда проводила Галина Васильевна Старовойтова, используя в качестве рабочей силы студентов со старших курсов, которым это участие засчитывалось в качестве какой-то учебной практики. Поскольку большинство из них считали, что эта практика отвлекает их от собственной исследовательской работы, то большого рвения они не проявляли, а доброволец вроде меня был весьма кстати для Старовойтовой и другой участницы ее проекта Марины Эдуардовны Коган.

Здесь, пожалуй, стоит сказать, что изучение современности этнографами в моем понимании в то время шло по трем направлениям. Во-первых, этнография современности. Задачей

исследователей было описать изменения в материальной и духовной культуре народов, которые произошли за период с начала XX века. Вторым направлением было изучение современных этнических процессов, причем, не любых, а только этнотрансформационных, т.е. ведущих к изменению этнической принадлежности людей. Первое направление тоже занималось этническими процессами, но этноэволюционными, теми, которые заключались лишь в изменении элементов культуры. В рамках второго направления большое внимание уделялось изучению статистики этнически смешанной брачности и выбору национальности детям, происходящих от родителей разной национальности. Третьим направлением была этносоциология. Кроме того, современные этнические процессы так или иначе попадали в сферу внимания этногеографии, этностатистики, этнодемографии и др. смежных исследовательских областей. В массовом представлении этнографов второе и третье направления сливались в одно, и этносоциологией часто называли любые количественные исследования этнических групп.

После второго курса меня послали проходить практику в киевский Институт искусствоведения, фольклора и этнографии им. М.Ф. Рильского АН УССР под руководством Анатолия Вадимовича Орлова. Тогда я не очень понимал, что именно Орлов, хотя он был только кандидатом наук, является лидером украинской социологии. Из Киева с сотрудниками этого института поехали собирать материал в Черновицкую область, а оттуда в Молдавию, где соединились с участниками молдавской части совместной украинско-молдавской экспедиции. Обследовали молдавские села на Буковине и украинские села в Молдавии: проводили массовый опрос и работали с похозяйственными книгами. В последних нас интересовали опять-таки однонациональные и смешанные браки, но также и разводы, чтобы понять какие браки устойчивее.

После третьего курса я снова поехал в Киев, где под руководством Орлова месяц занимался кодировкой анкет после опроса, а остаток каникул провел в своей родной Виннице. Уже не помню, запасся ли я заранее соответствующим письмом из деканата или нет, но с помощью моей однокурсницы, которая в это время работала в одном из винницких ЖЭКов, я получил разрешение работать с формами № 1 в этом ЖЭКе. Прежде всего, меня интересовало, какую национальность выбирают при получении паспорта люди, рожденные в браках между украинцами и русскими. Для этого приходилось сверять хранившиеся у паспортистов ЖЭКа Формы № 1 на детей и их родителей, где запись о национальности находилась в четвертом пункте. Поскольку эти формы были расставлены по домам и квартирам, делать это было сравнительно просто. Это не работало для людей более старших возрастов, карточек родителей которых быть не могло по понятным причинам. Оказалось, что в моей выборке из 282 человек примерно в 2/3 случаев дети от таких браков выбирали национальность отца.

Один бланк Формы № 1 я с разрешения паспортистки взял себе и храню его до сих пор. Оказывается, он отпечатан в Винницкой типографии УВД, зак. № 1293-у-50 т. в 1982 г. Важно отметить, что в бланке Формы 1 требовалось указать только национальность самого гражданина, заполняющего бланк. Сейчас я смотрел Формы № 1, выложенные в Интернете, и обнаружил, что в каких-то случаях в бланках указывали также национальности отца и матери, даже если они были одной национальности. Думаю, что это было вызвано какой-то самостоятельностью чиновников не самого высокого уровня.

Точно помню, что на лето 1984 г. я запасся письмом из деканата в Винницкий городской отдел ЗАГС и смело пошел в это учреждение. Наверно, надо также сказать, что в деканате подобные письма подписывали, не запрашивая мнения более высоких инстанций. На мое счастье отделом ЗАГС тогда заведовала Татьяна Васильевна (ее фамилию, к сожалению, не помню), которая до того была секретарем то ли Винницкого горкома то ли обкома комсомола. Видимо, письмо из ЛГУ произвело на

нее благоприятное впечатление, а мой внешний вид не вызывал больших подозрений. Я был допущен в архив этого учреждения для работы с документами о браках и рождениях. Это успешное начинание я продолжил также после зимней сессии в начале преддипломной практики.

В книгах актовых записей о браках регистрация национальности начиналась с 1922 г. Поскольку она велась не весь год, я начал собирать материал с 1923 г. и до 1983 г. Пропустил годы 1941-1944, поскольку город был тогда оккупирован гитлеровцами и 1929-1930 гг., когда национальность при заключении брака почему-то не отмечалась. В книге, кажется, за 1924 г. обнаружил вклеенную Инструкцию к записям в книге браков, утвержденную НКВД и ЦСУ Украины 19 января 1924 г. В седьмом пункте здесь разъяснялся вопрос о фиксации национальности: «национальность», например «украинец», «росиянин», «белорус», «еврей» и т. и. Не треба плутати з вірою, а тому не можна писати — «православний», або «католик» і т. и. Щоб не мішати українців, росіяні і білорусів треба завжди писати саме ці назви не слід писати взагалі «руський» (оставляю орфографию и пунктуацию оригинала). (Перевод: «национальность», например: «украинец», «русский», «белорус», «еврей» и т.д. Не надо путать с верой, а поэтому нельзя писать «православный», или «католик» и т.д. Чтобы не смешивать украинцев, русских и белорусов надо всегда писать именно эти названия, не следует писать вообще «русский»).

В записях о браке в 1920-е — 1950-е гг. часто можно было встретить помету «фактический брак с такого-то года». Не знаю, как это отражалось в свидетельствах о браке и паспортах.

Перед окончанием истфака в 1985 г. подписал в деканате письмо в Ленинский районный отдел внутренних дел г. Винницы с просьбой допустить к работе с документами в районный паспортный стол. Пошел с этим письмом в райотдел милиции. Там попросили зайти через несколько дней, потому что им надо было показать письмо какому-то городскому или областному начальству. Когда я снова пришел, сказали, что начальство дало разрешение. Уважение к науке было так велико, что милицейские чины не обратили внимание на то, что я, как выпускник, уже не имел формального отношения к университету.

В районном паспортном столе бланки Формы № 1, идентичные жэковским, находились в больших металлических шкафах с выдвижными ящиками. Расставлены эти бланки были не по адресам, а по алфавиту. Поэтому были некоторые сложности с поисками бланков родителей в тех случаях, когда были расхождения в фамилиях. Разумеется, сличить национальности детей и родителей можно было только в случаях, если и те, и другие на момент исследования проживали в Ленинском районе. Тогда мне удалось собрать информацию о 414 человеках и подтвердить тот феномен, что в Виннице в браках украинцев с русскими национальность выбиралась преимущественно по отцу. Здесь у меня было одно любопытное происшествие. Обнаружил, что у какой-то девушки в Форме № 1 значилась национальность «украинка». В форме ее отца была указана национальность «чуваши», или «чувашин», а матери — «полька». Я заинтересовался у паспортистки, как такое возможно. Она тут же схватила бланк девушки и сказала, что это нарушение инструкции, и с этим будут разбираться. Я искренне сожалею, что допустил оплошность, которая могла как-то повлиять на жизнь этой девушки и приношу ей свои самые глубокие, хотя и запоздалые извинения. Хотя, честно говоря, в данном случае не могу даже предположить, что запись в паспорте «чувашка» или «полька» могли привести к каким-то негативным для винничанки последствиям.

В райотделе я спросил у паспортистки, каким образом можно познакомиться с инструкцией о заполнении графы национальность в паспорте. Она сказала, что инструкция предназначена только для служебного пользования. Об этом же мне говорили и все другие паспортистки, с которыми мне приходилось общаться.

Вернулся в Ленинград, устроился на работу по распределению воспитателем в техническое училище (ТУ) и пошел к директору Ленинградской части Института этнографии АН ССР Рудольфу Фердинандовичу Итсу договариваться о соискательстве. Утвердили меня соискателем и через какое-то время, по моему, в 1987 г. Итс подписал письмо к чиновнице, которая заведовала регистрацией актов гражданского состояния в Ленинграде, с просьбой допустить меня к работе в Ленинграде с актовыми записями о браке. Иду к ней. Она говорит: «Я Вас никуда не допущу без подписи министра, которому подчиняется учреждение, которое написало письмо. Министр более компетентен и лучше знает, нужно Вам работать с этими документами или нет». Я пытаюсь ей объяснять, что институт относится к системе Академии наук, в которой отродясь не было никаких министров. Ничего слушать не желает. Иду опять к Итсу. Дает грамотный совет: «Пусть она напишет на письме, чью подпись она хочет видеть». Возвращаюсь к чиновнице и передаю ей ответ Итса. Она заявляет: «Ничего писать я не буду, разговор окончен». «Хорошо — говорю — тогда я сейчас прямо в почтовое отделение, отправлю Вам письмо по почте, и попробуйте не ответить в месячный срок». Она понимает, что ведь отправлю, и согласилась пустить меня на два месяца в городской архив ЗАГС во дворце «Малютка» на Петра Лаврова (теперь Фурштатская). Потом она еще на два месяца продлила разрешение. Так я в этом архиве и просидел четыре месяца, хотя и не ежедневно, выписывая сведения о браках, а также о личных именах новорожденных с указанием национальностей их родителей. Правда к моменту начала этой работы я уже с помощью одного хитрого трюка уволился из технического училища, которое как раз в это время собирались преобразовать в ПТУ. На новом месте работы, где по замыслу начальства главная моя функция заключалась в том, что я занимал определенную ставку, я безбожно прогуливал, посвящая почти всё свое рабочее время выпискам в архиве. Ленинградские данные у меня собраны по четырем районам (Куйбышевский, Дзержинский, Кировский и Невский) за 1945-1985 гг., и есть также два среза по всему городу за 1955 и 1985 гг. Пропущены 1961-1969 гг., поскольку в это время национальность брачующихся не регистрировалась. То же относится к большей части 1960-го г.

После увольнения из ТУ мой друг-археолог, работавший в Нарвском городском музее, помог мне на два месяца устроиться туда социологом. Если я правильно помню, меня оформили на ставку какой-то женщины, ушедшей в декретный отпуск. Здесь мне тоже удалось пробраться в городской архив ЗАГС и собрать информацию о браках, начиная с 1945 г. Более ранний период трогать не стал, потому что тогда документация велась только на эстонском языке. Кроме того, у директора музея получилось договориться с местным милицейским начальством о том, что меня пусть собирают информацию о людях, выехавших из Нарвы, по листкам убытия. Но инструкция, которую опять-таки мне не показали, не позволяла допускать к листкам посторонних. Поэтому я сидел и только записывал, а паспортистка диктовала мне примерно так: «восемьдесят пятый год, эстонец, Тарту, учеба», «восемьдесят третий, белорус, Ленинградская область, работа».... К сожалению, эту информацию я так нигде и не использовал.

В 1991-1992 гг. получил доступ в жэковские паспортный стол в Московском районе и во второй где-то в Озерках. Здесь на основе Форм № 1 удалось построить выборку и провести стандартизованный опрос, результаты которого я использовал для написания магистерской диссертации по социологии в Университете Техаса в Остине, а потом для защиты кандидатской по социологии в Ленинградском филиале Института социологии РАН. На этом мое сотрудничество с паспортными службами закончилось. Принятие различных законодательных решений о допуске к персональным данным лишь ограниченного круга лиц сделало невозможным ознакомление с актовыми записями. А с введением новых российских паспортов, как

и новых паспортов в других бывших союзных республиках, графа «национальность» была ликвидирована, что, безусловно, является прогрессивным решением.

Но зачем вообще была нужна паспортная запись о национальности? Байбурин называет следующие причины: проводимая в 1920-е — начале 1930-х гг. политика коренизации требовала выдвижения национальных кадров, чья принадлежность к определенному народу подтверждалось бы соответствующей записью в документах, что было также необходимо для поддержания сформировавшейся «иерархии национальностей»; учет номенклатурных кадров; обеспечение контроля за группами населения, которые, с точки зрения власти, потенциально лояльны не СССР, а какому-либо иностранному государству (с. 220-222). Я бы добавил еще две причины. Подтверждения первой из них я не встречал в литературе, но логика подсказывает, что указание национальности в документах представителей этнических меньшинств могло давать им некоторую защиту от навязывания культуры, и, как следствие, от насильственной, прежде всего языковой, ассимиляции со стороны титульных или иных доминирующих этнических групп. Например, имея в документах запись «русский» можно было на Украине даже в период коренизации требовать определения ребенка в школу с русским языком преподавания. Точно так же в областях РСФСР, прилегающих к украинской границе запись «украинец» позволяла отказываться от обучения детей на русском языке. В ряде союзных республик проводилась политика навязывания меньшинствам паспортной записи о принадлежности к титульному этносу. На подготовительном отделении ЛГУ я учился с таджичкой из Бухары, у которой в паспорте была запись «узбечка». Она уверяла, что в паспортных столах Бухары проводилась политика документальной узбекизации таджиков.

Еще одной целью введения записи «национальность» в документы могло быть регулирование пропорций представителей разных народов в партии, органах власти, социальной и профессиональной структуре. Диспропорциональность этнического представительства в управленческих органах могла вести к росту межэтнического напряжения и недоверию к власти. В монографии Марчукова сюжету взаимоотношений между украинцами и евреями в УССР посвящен целый параграф, где приводятся факты о недовольстве части украинского населения высокой долей евреев в госучреждениях и среди студентов (Марчуков А.В. Украинское национальное движение: УССР, 1920-1930-е годы: цели, методы, результаты. М.: Наука, 2006). Поскольку прямые запреты и ограничения являются наиболее легкой и, на первый взгляд, наиболее эффективной формой социального регулирования, несколько позже вместо того, чтобы усиленно подтягивать отстающие в плане образованности и общественной активности группы к уровню более успешных и вести соответствующую разъяснительную работу, начали практиковаться прямые дискриминационные меры, как-то запреты на некоторые профессии или занятия должностей для представителей определенных национальностей, введение процентных норм при поступлении в вуз или трудоустройстве.

В конце положительных рецензий принято указывать, что

в книге имеются и некоторые недостатки. По правде говоря, недостатков-то применительно к заявленной автором теме мне обнаружить не удалось. Но вот если выйти собственно за пределы паспортной темы, то у меня есть замечание к повсеместному употреблению на протяжении всего текста монографии термина «национальность». Помнится во время моего обучения на подготовительном отделении ЛГУ преподаватель говорила, что с помощью этого термина обозначается юридическая связь между человеком и определенным народом. У меня с тех пор сохранилось впечатление, что обозначение такой связи в документе может отличаться от реального восприятия своего членства в составе той или иной этнической общности. И здесь соединяются два момента. С одной стороны, гражданин может ошибочно причисляться чиновником к некоторой общности, члены которой рассматривают ее в качестве реально существующей. Востоковед Георгий Мирский в радиоинтервью вспоминал, что его бабу-латышку паспортисты записали немкой, потому что у нее в дореволюционных документах значилось лютеранское вероисповедание. Точно так же некто мог в каких-то своих целях сознательно добиваться внесения в графу «национальность» ложной записи. С другой стороны, поскольку сам список национальностей, как и список народов, используемый при проведении переписей населения, нес на себя отпечаток субъективности его составителей, гражданина могут причислять к некоторой общности, которая в восприятии причисляемых к ней людей реально не существует. Здесь можно вспомнить, например, о том, что в ряде всесоюзных переписей населения причисляли к алтайцам, помимо собственно алтайцев, или алтай-кижи, представителей еще нескольких народов. Соответственно, в графе национальность у их представителей чиновники писали «алтаец».

Описывать подобные ситуации, оперируя термином «национальность», довольно сложно. Гораздо удобнее, да и целесообразнее с точки зрения исследователей, имеющих дело с этническими идентификациями (включая самоидентификации), использовать такие термины как «этническое происхождение» (ethnic origin) и «этническая принадлежность» (ethnic belonging). Терминов два, поскольку у одного и того же человека этническое происхождение и принадлежность иногда могут расходиться. Например, в одном из украинских сел в Молдавии мне приходилось беседовать с женщиной, чьи родители считали себя молдаванами, а она относилась к украинцам. Кроме того, термин «национальность» позволяет относить человека лишь к одной этнической общности, тогда как «этническая принадлежность» позволяет описывать и более сложные случаи.

Как легко заметить, мои критические замечания относятся не к самой концепции автора и содержанию монографии, и скорее относятся к побочным аспектам. Надеюсь, что в ходе чтения этой увлекательной книги и профессиональные исследователи и те, кто просто интересуется историей и культурой советского общества, не только значительно расширят свои знания о функционировании советской бюрократической системы и жизни рядовых граждан, но и получат удовольствие от самого чтения.